

УДК 343.2

Генезис института соучастия в отечественном уголовном праве

Биисов Жакслык Каирбаевич, магистрант, Курганский государственный университет, z.biisov@bk.ru

В данной статье рассматривается значимость исследования генезиса института соучастия в российском уголовном праве. Анализируются ключевые этапы эволюции понятия «соучастие» — от его исторических корней в древних правовых системах до современного уголовного законодательства. Особое внимание уделяется развитию норм о соучастии в Уголовном кодексе РСФСР, включая их классификацию и формы. Генезис института соучастия в отечественном уголовном праве рассматривается как важный аспект совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Соучастие как форма совместного совершения преступления несколькими лицами имеет глубокие исторические корни и отражает изменения социальных и политических условий в разные эпохи.

Ключевые слова: соучастие, закон, уголовное право, преступность, институт соучастия.

Соучастие в преступной деятельности — одно из древнейших явлений, отраженных в правовых системах. Его истоки прослеживаются еще в религиозных текстах, где упоминаются случаи влияния одного человека на другого при совершении проступков. Например, библейская история Адама и Евы демонстрирует коллективный аспект нарушения установленных норм. Это подчеркивает склонность человека к объединению для достижения различных целей, в том числе противоречащих закону.

С усложнением социальных отношений вопросы соучастия становились все более актуальными в уголовном праве. Уже в правовых системах Древнего Рима и Средневековья предпринимались первые попытки регулирования совместных преступных действий, хотя эти нормы еще не были систематизированы. Коллективная природа человеческого поведения формировалась на ранних этапах развития общества, когда люди объединялись для решения жизненно важных задач. Однако совместные действия не всегда носили созидательный характер: они могли использоваться и в преступных целях.

Простейшие формы соучастия существовали с древних времен, но более сложные формы совместного совершения преступлений начали формироваться с развитием социальных связей. Развитие гражданских, семейных и финансовых отношений, а также совершенствование правоохранительной системы способствовали усложнению явления соучастия и необходимости его правового регулирования.

Каждая страна вырабатывала собственные подходы к регулированию соучастия в преступлениях. Россия, как и другие государства, прошла свой путь становления этого института, адаптируя его к историческим, социальным и политическим реалиям. Нормы об ответственности за преступления, совершенные в соучастии, формировались под влиянием политических факторов. Первое упоминание о совместном совершении преступлений содержится в Соборном уложении 1649 г. В ст. 198 предписывалось:

«Если кто-либо придет к другому с насилием, группой или сговором и совершит кражу и убийство против него, его супруги или детей, то убийцу следует казнить, а его сообщников подвергнуть порке и сослать в Сибирь».

Этот нормативный акт впервые разделял участников преступления на исполнителей и соучастников, определяя для них различные меры наказания [4]. С. А. Балеев отмечал, что разработчики Соборного уложения уделяли особое внимание умыслу характеру соучастия и дифференцировали степень ответственности его участников [1, с. 118].

Со временем необходимость четкого разграничения ролей соучастников ослабевала. В Воинском уставе 1716 г. отсутствовало деление участников преступления на категории. В ст. 189–190 подчёркивалось:

«Что один посредством другого чинит, считать так, как если бы он сам это учинил, допустим, кто в воровстве другому помогать будет, сам его не совершая, наказывать как вора» [3, с. 84].

Такой подход приравнивал пособников к непосредственным исполнителям.

В Своде законов Российской империи 1832 г. понятие соучастия не имело четкого определения, но уже предпринимались попытки классифицировать его формы, особенно выделяя организаторов и пособников. Значительные изменения произошли с принятием Уголовного уложения 1845 г., которое впервые формализовало основные формы соучастия. В документе различались преступления, совершенные с предварительным сговором и без него. В ст. 13 подчеркивалась необходимость согласия всех участников на совершение преступления.

Кроме того, вводилась классификация соучастников: первых зачинщиков, вторичных зачинщиков и подстрекателей. Особо выделялись главные виновные, инициировавшие преступление и руководившие его совершением. Этот подход заложил основу для дальнейшего развития регулирования соучастия в российском уголовном праве.

В советском уголовном праве постепенно началась систематизация различных форм соучастия, включая пособничество, подстрекательство и непосредственное участие в преступлении. Основное внимание уделялось борьбе с коллективными преступлениями, что отражало социально-политические реалии того времени. Институт соучастия получил дальнейшее развитие в Уголовном уложении 1903 г., где впервые были выделены четыре формы: группа лиц, действующих по предварительному сговору, группа без такового сговора, шайка и преступная организация.

Профессор Н. С. Таганцев отмечал, что концепция соучастия оставалась недостаточно упорядоченной, что объяснялось сложностью самого явления и трудностями его правоприменения. Криминалисты дореволюционной эпохи подчеркивали, что регулирование этого института представляет собой один из наиболее сложных аспектов уголовного права, требующий детального анализа [7].

После прихода большевиков к власти в 1917 г. институт соучастия приобрел выраженную классовую направленность. В Руководящих началах по уголовному праву 1919 г. впервые был законодательно закреплён термин «соучастие». Однако концепция соучастия на тот момент оставалась фрагментарной.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., несмотря на значительные изменения, не содержал общего определения соучастия, но уже упоминал несколько категорий соучастников, включая исполнителей и подстрекателей. В редакции 1926 г. также отсутствовало четкое определение, однако границы уголовной ответственности были расширены: к наказанию привлекались не только непосредственные участники преступлений, но и члены их семей, сожители и

лица, находившиеся на их содержании. Эти меры стали основой для массовых репрессий 1930-х гг., когда уголовному преследованию подвергались не только отдельные лица и группы, но и целые социальные слои и народы.

Возврат к более упорядоченному подходу к институту соучастия произошел с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. В ст. 17 впервые было дано четкое нормативное определение соучастия как осознанного и совместного действия двух или более лиц при совершении преступления. Закон закреплял четыре основные категории соучастников: исполнители, организаторы, подстрекатели и пособники. Важно отметить, что для привлечения пособника к ответственности требовалось наличие вины, а его действия не могли касаться заранее не скрытых преступлений или преступников. Однако в особенной части Уголовного кодекса 1960 г. регламентация соучастия была менее последовательной, особенно в отношении особо опасных государственных преступлений. В этой сфере сохранялся жесткий подход, направленный на преследование лиц, несогласных с советской идеологией.

В общей части также отсутствовала детальная регламентация форм соучастия, что объяснялось жестким государственным контролем над обществом, ограничивавшим самоорганизацию преступных сообществ. Однако в особенной части предусматривались нормы, касающиеся совместной преступной деятельности. Например, ст. 77 устанавливала ответственность за участие в банде, а ст. 77.1 — за причастность к преступным объединениям среди осужденных.

Кроме того, для ряда преступлений предусматривалась повышенная ответственность, если они совершались группой лиц или по предварительномуговору.

Несмотря на отсутствие системной регламентации участия в преступной деятельности в общей части, специальные нормы все же учитывали особенности коллективных преступлений в условиях существовавшего тогда общественного строя.

Отсутствие системного подхода к регламентации организованной преступности в советском уголовном праве во многом объяснялось распространенным в СССР мнением о ее фактическом исчезновении. Однако на практике значительная часть населения, отходя от официальных социальных институтов, вовлекалась в криминальную среду, формируя устойчивые преступные группировки. Часто их лидерами становились лица, уже отбывавшие наказание в исправительно-трудовых учреждениях, что способствовало

укреплению таких объединений [5].

Не все исследователи соглашались с утверждением о недостаточной эффективности законодательства 1960-х гг. в борьбе с организованной преступностью.

Например, М. И. Гальперин отмечал, что действующие нормы предоставляли достаточные правовые инструменты для противодействия преступным группировкам. Однако их реализация сдерживалась неблагоприятными социально-экономическими и политическими факторами, ограничивавшими применение уголовного законодательства в полной мере [2, с. 35].

Институт соучастия считается одним из древнейших в уголовном праве. Его развитие в российском законодательстве можно разделить на четыре основных этапа. Первый — формирование, охватывающее период от Русской правды до начала XIX в. Второй — дореволюционный (XIX в. — 1917 г.). Третий — советский (1917–1996 гг.), в течение которого уголовное право претерпело значительные трансформации. Четвертый (современный) этап начался с принятия Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 г. и продолжается по сей день. Каждый из этих периодов отражает социальные и политические изменения своего времени.

В последние десятилетия XX — начале XXI в. уголовное право России претерпело значительные изменения. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. четко определил формы соучастия и условия их применения. Современная практика делает акцент на роли каждого соучастника, их наказуемости и санкциях, что требует детального анализа степени вины каждого участника преступления. Институт соучастия продолжает развиваться с учетом новых вызовов, связанных с международным правом, терроризмом и организованной преступностью.

Таким образом, анализ развития института соучастия в российском уголовном праве позволяет выделить несколько тенденций. Во-первых, нормы, касающиеся соучастия, становятся все более детализированными. Во-вторых, усиливается их системность, в том числе за счет выделения соответствующих положений в самостоятельную главу Уголовного кодекса. В-третьих, современное законодательство опирается на ограниченную акцессорную концепцию, подчеркивающую индивидуальную ответственность каждого соучастника. Эти изменения свидетельствуют о стремлении к совершенствованию правового регулирования и его адаптации к актуальным вызовам.

Примечания

1. Балеев С. А. Институт соучастия в уголовном праве: законодательная регламентация и проблемы совершенствования // Актуальные проблемы совершенствования законодательства, правоприменения и правовых теорий в России и за рубежом: материалы Второй Международной научно-практической конференции. Челябинск, 2010. С. 131–136.
2. Гальперин И. М. Организованная преступность, коррупция и уголовный закон // Социалистическая законность. 1989. N 4. С. 33–38.
3. Законодательство Петра I. М., 1997. 749 с.
4. Пейсикова Е. В., Гейнце О. В. Посредничество и соучастие // Уголовное право. 2019. N 3. С. 71–80.
5. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12.12.1919. URL: <http://docs.cntd.ru> (дата обращения: 12.09.2024).
6. Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru> (дата обращения: 14.09.2024).
7. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. СПб., 1902. Т. 1. 910 с.

English version

Genesis of the institute of complicity in Russian criminal law
Bisov Zhakslyk Kairbaevich, master's student, Kurgan State University

This article examines the significance of studying the genesis of the institute of complicity in Russian criminal law. Key stages in the evolution of the concept of «complicity» are analyzed, from its historical roots in ancient legal systems to modern criminal legislation. Special attention is given to the development of complicity norms in the Criminal Code of the RSFSR, including their classification and forms. The genesis of the institute of complicity in Russian criminal law is considered an important aspect of improving legislation and law enforcement practices. Complicity, as a form of joint commission of a crime by multiple individuals, has deep historical roots and reflects the changes in social and political conditions across different eras.

Keywords: complicity, law, criminal law, crime, institute of complicity.